

Реакция нейтрализации

Зоряна Заряница

Зоряна Заряница

Реакция нейтрализации

«Автор»

2026

Заряница З.

Реакция нейтрализации / З. Заряница — «Автор», 2026

Пронзительная история о взрослении, где химия становится метафорой человеческих отношений. Колочая Яся Рыбакова, троечница и тихоня-одиночка, и уравновешенный Славка Степашин, отличник и спортсмен, начинают встречаться — и весь их мир переворачивается с ног на голову. А заодно наружу выходит старая семейная тайна: кто отец Яси? Когда иллюзии сталкиваются с реальностью, как кислота с основанием, чем закончится эта бурная реакция? И сумеют ли дети разобраться с проблемами взрослых?

© Заряница З., 2026

© Автор, 2026

Зоряна Заряница

Реакция нейтрализации

Глава 1

— Рыбакова! Всех ворон пересчитала?

Я вздрогнула и отвела взгляд от окна. Надо мной нависала Барыня, глядя сверху вниз, сквозь спущенные на кончик носа очки.

— Ты, видимо, и так всё прекрасно знаешь, раз тебе на моём уроке скучно. Может, расскажешь нам, что такое реакция нейтрализации?

— Простите... я отвлеклась.

Барыня хмыкнула, задрала подбородок и сдвинула очки обратно на переносицу.

— Степашин, объясни Рыбаковой — и всем остальным, — что такое реакция нейтрализации!

Белобрысый отличник Славка Степашин с готовностью подскочил:

— Реакция нейтрализации — это реакция взаимодействия кислоты и основания с образованием соли и воды. В основе нейтрализации лежит взаимодействие ионов водорода в кислоте с гидроксид-ионами оснований. При смешивании кислоты и основания эти ионы объединяются и образуют молекулы воды. Одновременно с образованием воды происходит образование соли...

Грянул звонок, и класс облегчённо выдохнул, закрывая тетради и учебники.

— На следующей неделе будет контрольная! — повысила голос Барыня, перекрикивая начавшийся после звонка гомон. — Рыбакова, если будешь продолжать витать в облаках, то больше двойки я тебе не поставлю при всём желании!

— Я поняла, Вера Петровна...

Кое-как собрав рюкзак, я выскочила за дверь вслед за остальными.

После шестого урока все торопились домой: разбивались на кучки, троечки, парочки, перешёптывались, пересмеивались, строили планы на выходные. Меня, как обычно, никто не замечал.

— Ры... Рыбакова... Яся...

Я обернулась. Степашин, неуклюже обнимая рюкзак, смотрел на меня.

— Чего тебе?

Он помолчал, теребя лямки рюкзака, и не глядя мне в глаза. Я начала терять терпение. Ему-то что от меня надо?

— Ты... это... химию учить думаешь? — Он наконец посмотрел на меня и почему-то покраснел.

— Тебе-то что? Уж тебе-то Барыня пятёрку вlepит, не глядя!

Он моргнул и покраснел ещё сильнее. «Барыня» не понравилась, что ли? Ну так он единственный в классе, кто даже за глаза называет химичку исключительно «Вера Петровна». А кличка «Барыня» привязалась к ней из-за фамилии Барина. Но это как раз тот случай, когда кличка точно отражает характер.

— Да я подумал... может, тебе помочь? Всё-таки итоговая контрольная... Там не так уж сложно, просто надо с самого начала разобраться...

Ну и какая муха его укусила? Степашин пришёл в наш класс только в этом году и уже успел заработать репутацию зубрилы и отличника. А ещё одиночки. Ни с мальчишками не дружил, ни — тем более! — к девчонкам не подходил.

— Я подумаю... — буркнула я и направилась к выходу.

Домой идти не хотелось, и я побрела в парк. Пока погода стояла тёплая, лучше на улице погулять.

В парке опавшая листва покрывала газоны и дорожки — как здорово, что дворники ещё не успели её убрать! Ненавижу эту стерильную «чистоту»: кому мешает листва на дорожках? И уж тем более на газонах! Но нет же, надо всё смести подчистую. Ещё бы с мылом асфальт драили...

На краю парка, вдоль дороги, деревья успели «обрезать»: обкорнали все ветки вообще, оставив только стволы. Ну вот что за дебилы, а? Как так можно вообще?!

Настроение испортилось окончательно. Даже в парке не скроешься от всеобщего дурдома. На изуродованные деревья смотреть жалко...

И эта дурацкая контрольная по химии... Уж если Барыня кого невзлюбила, то хоть заучись, а выше тройки не получишь! Это только Степашин у неё почему-то в любимчиках сразу оказался...

Я вздохнула и села на скамейку у пруда. Пара лебедей плавала в отдалении. Утки копошились в прибрежных зарослях и бродили по берегу в ожидании подачек. Я их никогда не кормила: вот так приучишь диких птиц надеяться на человека, а они потом и улетать не хотят. Сидят тут до последнего, пока пруд совсем не замёрзнет.

Я достала скетчбук и многоцветный карандаш — мой любимый в последнее время. Кому-то пришла в голову гениальная идея совместить разные цвета в одном стержне. В результате линия получается разноцветная — и редко именно такого цвета, какого хотелось бы. Такой вот своевольный инструмент! Зато и картинка выходит не скучно монохромная и не отчётливо цветная, а нечто среднее — все цвета вперемешку. Как в жизни...

— А кто это у тебя?

Внезапный вопрос заставил меня вздрогнуть и поднять глаза. Я с головой ушла в рисование и не заметила, что рядом стоит девчушка лет пяти и внимательно наблюдает. Я смутилась. Свои рисунки я всегда прятала от посторонних глаз. Но теперь уже поздно...

— Это... это Ойло. Лесной гном.

— Какой смешной! А что он делает? Грибы собирает?

— Нет, он их выращивает.

— А потом собирает и ест?

— Нет, просто выращивает, по всему лесу. Это светящиеся грибы. Они как фонарики по ночам горят.

— Здорово! А у меня вот что есть! — Девчушка протянула мне ладошку, на которой лежал синий цилиндрик.

— Что это?

— Пузырялка! Она мыльные пузыри выдувает. Хочешь попробовать?

Я улыбнулась и отложила в сторону скетчбук. Сто лет пузыри не выдувала!

— А давай!

— Моя очередь первая!

Девчушка смешно вытянула губы и подула на мыльную плёнку в круглой рамке. Ветерок подхватил и понёс прочь целый рой пузырьков.

— Ты слишком сильно дуешь, — сказала я. — Давай покажу!

Мой пузырь выдувался медленно, покачивался, переливался всеми оттенками радуги — и наконец оторвался и улетел.

— Какой большой! — восхитилась девчушка. — Я тоже такой хочу!

Мы смеялись, болтали и выдували пузыри, пока за моей спиной вдруг не раздался визгливый женский голос:

— Настя! Да что ж такое! Я весь парк обыскала, чуть с ума не сошла, а ты тут пузыри пускаешь! И я же тебе говорила не подходить к незнакомым тётенькам!

— Это не тётенька... — насупилась Настя. — Это девочка...

В поле моего зрения появилась женщина лет тридцати пяти, с нарисованными бровями и неестественно пухлыми губами. Толстый слой косметики на лице не мог скрыть круги под глазами и усталые морщинки.

— А ну пойдём! — Женщина схватила девушку за руку и потянула за собой.

— Ну мама! Я хочу картинку!

— Какую ещё картинку?

Девчушка кивнула на мой скетчбук.

— С гномиком!

Женщина бросила беглый взгляд на мои художества, скривилась и сильнее потянула девушку за руку.

— Не болтай глупостей, пошли домой, я сказала!

— Погодите! — Я взяла скетчбук и вырвала страницу. — Настя, держи. Это тебе подарок и спасибо за пузыри.

Девчушка расплылась в улыбке до ушей и протянула мне цилиндрик:

— На, у меня дома ещё есть!

Глава 2

Я аккуратно повернула ключ, стараясь, чтобы замок щёлкнул как можно тише. Шагнула в прихожую. Осторожно, контролируя каждое движение, разулась, сняла куртку и прокралась к себе в комнату. В квартире было тихо, только из-за закрытой двери кухни доносился плеск воды и постукивание ножа по разделочной доске: бабушка готовила ужин.

Я быстро переоделась в домашнее. Вытащила из рюкзака первый попавшийся учебник и тетрадку и уселась за стол.

Уф, успела! Теперь мама не узнает, что я поздно вернулась из школы...

— Ясения! Ты уроки сделала? — Дверь открылась, и в комнату заглянула мама.

Я обернулась.

— Почти... много задали, конец четверти же.

— Через полчаса ужин! — Мама закрыла дверь.

Я посмотрела во взятый наугад учебник — опять химия! Чёрт бы её побрал, куда от неё не денешься...

Я попыталась сосредоточиться на тексте:

Реакция нейтрализации — это реакция взаимодействия кислоты и основания с образованием соли и воды...

Кислота и основание... Скука смертная... Зачем оно мне вообще сдалось?..

В голове появилась картинка.

Я невольно хихикнула и принялась лихорадочно набрасывать тощую угловатую Кислоту с длинным острым носом и дородное, расплывшееся Основание. Кислота тыкала в Основание колючими пальцами, Основание орало и размахивало в воздухе огромными кулаками. Красота!

Острыми штрихами я нацарапала сверху надпись «реакция нейтрализации» и полюбовалась на рисунок.

Ой... чёрт... я же тетрадь по химии ручкой изрисовала... теперь листок выдирать придётся...

Или оставить? Кислоте вот ещё очки дорисовать на длинный нос, и будет точь-в-точь Барыня!

Я представила себе, как Барыня открывает мою тетрадку — а там такое художество! Вот визгу-то будет!..

Нет, ещё не хватало, чтобы она маму в школу вызвала. Вот тогда будет совсем не смешно...

Я аккуратно оторвала испорченный лист и вынула его вторую часть из другой половины тетради. Хорошо, что тетрадку ещё до середины не исписала. Теперь и незаметно будет, что в ней на два листа меньше стало...

Я посмотрела на рисунок. А неплохо получилось. Жалко выкидывать. Я сунула листок в учебник химии.

— Ясенька, иди ужинать! — В комнату заглянула бабушка. — Проголодалась, небось.

— Иду, ба!

Пока я помыла руки и дошла до кухни, мама уже сидела за столом.

— Ясения, ты опаздываешь!

Я опустила голову и молча села на своё место.

Бабушка поставила на стол две тарелки — маме и мне.

— Маргарита Александровна, на сегодня всё, я пойду. — Она подмигнула мне поверх маминой головы.

— Спокойной ночи, Анна Сергеевна! — Мама даже не обернулась.

Я уткнулась в тарелку, ковыряя ненавистную куриную грудку. Мама с хирургической точностью нарезала на своей тарелке варёную брокколи и морковь.

— Ясения, что за манеры, ты уже не маленькая! нарежь курицу ровными кусочками. И овощи тоже.

Я повиновалась. Спорить бесполезно. Впрочем, тянуть время тоже не выйдет: мама всё равно заставит съесть всё до крошки. Растущему организму нужна полезная еда!

Я кое-как запихала в себя последний кусочек брокколи. Ума не приложу, что может быть полезного в этой гадости!

Мама встала и взяла свой стакан воды с лимоном.

— Ясения, помоешь посуду и садись за уроки. Сегодня я занята, у меня ещё много работы.

Ну да, как будто бывают дни, когда ты *не* занята, подумала я, собирая тарелки и приборы. Журчание тёплой воды из крана успокаивало. Посуду я мыть люблю: мне нравится мыльная пена.

Я улыбнулась, вспомнив про мыльные пузыри в парке. Нам с Настей было очень весело!

Пока не пришла её мама... Наверное, она тоже целыми днями работает, поэтому уставшая и злая. Эти взрослые такие странные. На уме только работа и деньги. Работать нужно для того, чтобы заработать деньги. Много денег. Ну ладно, заработали — а что с ними дальше делать? Мама всё ипотеку выплачивает. Причём за две квартиры. Она не хочет жить вместе с бабушкой, но и домашними делами заниматься тоже не хочет (некогда же!), поэтому купила соседние квартиры и взяла бабушку в качестве домработницы. Ведь пускать в дом чужого человека небезопасно. И теперь называет собственную маму исключительно по имени-отчеству. Потому что это отношения работодателя и подчинённого.

Интересно, а я-то для мамы кто? Тоже подчинённая? Тогда зачем вообще было меня рожать?

Я вздохнула. Тема моего появления на свет — полное и абсолютное табу. Даже бабушка не осмеливается её обсуждать. Говорит, что мама решила родить меня для себя. Возможно, так оно и было. Ведь моё мнение и мои чувства маму никогда не интересовали...

Я аккуратно положила вытертую посуду и приборы точно на свои места и вернулась к себе. На подоконнике, за шторой, стояла завёрнутая в полотенце миска с ещё тёплыми пирожками и бабушкин подарок на мой прошлый день рождения — термос. Я отхлебнула из термоса какао и впилась зубами в пирожок. С повидлом. Если бы мама узнала, то закатила бы нам обоим большой скандал. Потому что сладкое вредно! Особенно детям. И особенно пирожки.

От этого съеденные украдкой пирожки казались ещё вкуснее.

Глава 3

— Ясения! Ты почему до сих пор в постели? — В дверях стояла мама, одетая спортивный костюм. — Уже восьмой час!

— Встаю... — пробормотала я, мечтая натянуть одеяло на голову и вернуться в разбитый маминым голосом сон.

— Зарядку не забудь сделать!

Дверь закрылась.

Между прочим, сегодня суббота. В школу идти не надо, и все нормальные люди могут поспать подольше. Все, кроме меня...

По субботам у мамы бассейн, потом йога, потом спа-процедуры. А я должна вставать не позже семи, делать зарядку (каждый день!) и зубрить математику. Потому что после обеда у меня занятие по математике с репетитором...

Надое-е-е-ло-о-о... И как же я ненавижу математику... Хуже только химия...

Я вздохнула и откинула одеяло. Посмотрела в окно. Погода хорошая, солнышко. А значит, сегодня утром мой единственный шанс прогуляться в барак, пока мамы нет дома. Математику как-нибудь потом выучу. Или не выучу... В любом случае, уроки не убегут, а вот барак скоро должны снести. И тогда уже не будет возможности залезть в «дом с привидениями». Конечно, никаких привидений там нет, но меня почему-то тянуло туда с непреодолимой силой. Было жутко и интересно одновременно.

Я встала, заправила кровать и пошла на кухню.

— Ты ж ещё и не проснулась даже, — сказала бабушка. — Поспи подольше, уроки успеешь сделать.

Я помотала головой и плюхнулась на стул.

— Погулять схожу. А то придётся потом весь день дома сидеть.

Бабушка поставила передо мной тарелку водянистой овсянки.

— Погоди тогда, я тебе сейчас яичницу пожарю. С салом или с колбасой?

— И того, и другого, и можно без хлеба! — ответила я нашей коронной фразой, и мы обе засмеялись. — Ба, ты мою комнату не убирай, я сама приберусь. Не маленькая уже.

— А что ж мне целыми днями делать-то? Телевизор надоед давно.

— А ты мне пирог испеки! Яблочный.

— Пирожки-то все съела?

— Да куда ж такую гору съесть! С собой возьму, перекус на прогулку.

— Давай я тебе ещё бутербродиков заверну.

— Давай! — согласилась я, давясь кашей.

Растущий организм действительно нужно кормить — но не овсянкой же!

* * *

Октябрьское утро плеснуло в лицо прохладой и запахом мокрой листвы. Похоже, ночью дождик прошёл. По асфальту расстился ковёр из жёлтых листьев, которые ещё не успели побуреть и истереться под ногами прохожих.

В субботу на улицах было тише обычного, да и направились я в сторону частного сектора, где людей и в рабочие дни немного. Минут через двадцать между редующими кронами показался двухэтажный деревянный барак. Часть окон зияла чернотой, как глазницы на черепе, а часть была забита досками. Жильцы уже переехали в новый дом со всеми удобствами, а этот, с печками и туалетом на улице, должны были снести. Поговаривали, что какой-то богатенький буратино купил тут участок и собирается построить развлекательный центр.

Ну да, нормальные люди развлекаются в развлекательных центрах. И только такие ненормальные, как я, шляются по заброшкам.

Сама не знаю, почему, но меня всегда притягивали непролазные заросли, полуразрушенные здания, тёмные подвалы и покосившиеся чердаки. А тут целый дом, в котором совсем недавно кипела жизнь! И скоро от него ничего не останется...

Дверь подъезда была распахнута настежь. Видимо, жильцы уже вывезли всё ценное. Некоторые, похоже, забрали даже оконные рамы, потому что окна были не выбиты, а явно аккуратно выставлены из проёмов.

Я поднялась по трём ступенькам из побитого временем бетона. На покрашенной зелёной краской стене подъезда был нарисован смешной чёрный кот. Огромный, размером с ребёнка. Лупоглазый и улыбающийся — как из мультика. Надо же, кто это такую красоту в подъезде нарисовал? Здесь художник жил, что ли?

Прямо впереди вверх уходила крутая деревянная лестница. Я глянула налево и шагнула в коридор первого этажа.

Барак был небольшой: всего два подъезда и три квартиры на этаже. Первая дверь, слева, была заперта на всякий замок. Вторая, по центру, была приоткрыта. Третья, справа, была закрыта, но заперта или нет, непонятно.

Я прислушалась. Тихо. Вдруг раздался какой-то шорох и странные звуки, похожие на всхлипывание. Звуки доносились из приоткрытой двери.

Я на цыпочках подкралась к ней и заглянула внутрь. В прихожей царил полумрак, валялись какие-то тряпки, обломки досок и прочий мусор. Выхлипывание стало отчётливей. Мне точно не показалось.

Зайти?

Я замерла, прижимаясь к стене и только краешком глаза заглядывая в квартиру. Мало ли кто там может быть... Бомж какой-нибудь. Или маньяк... Нормальные-то люди по заброшкам на лазят...

А вдруг это ребёнок? Маньяк уж точно рыдать не станет! Да и бомж тоже вряд ли... Пойти посмотреть, кто это?..

Сердце заколотилось, ноги стали ватными, но любопытство пересилило. Я медленно-медленно выставила одну ногу вперёд и постепенно перенесла на неё вес тела, чтобы половицы не скрипнули. Второй шаг... третий... Через заваленную мусором прихожую я пробиралась так, будто ступала по болоту, рискуя утонуть. И наконец приблизилась к двери в комнату.

В комнате словно Мамай прошёл, как сказала бы бабушка. Всё перевернуто и разбросано. Через пустое окно без рамы свободно врывался ветерок, ворошил слой пыли.

В дальнем углу, вполоборота ко мне, сидел мальчишка в коричневой куртке. И всхлипывал.

— Степашин! — От изумления язык сработал быстрее, чем мозги. — Ты что здесь делаешь?

Он вздрогнул и обернулся. Поспешно провёл ладонью по щекам, оставив на них грязные полосы.

— Рыбакова, ты... Это ты что тут делаешь?

— Гуляю! — буркнула я.

Он с удивлением посмотрел на меня.

Ну вот, ужасно глупо всё получилось, но уйти теперь будет ещё глупее...

Я шагнула в комнату, решительно подошла к сидевшему на табуретке Степашину, огляделась и придвинула к себе перевернутый деревянный ящик. Уселась.

— Ты в порядке? — спросила я, глядя на его мокрое лицо. — У тебя случилось что-то?

Он замотал головой.

— Нормально всё...

— А чего ж ты тогда... — «Ревёшь, как девчонка» хотела продолжить я, но сдержалась. — ...сидишь тут один?

Он заколебался на мгновение, потом разжал руку и протянул мне. На ладони лежал пластмассовый динозаврик. Обычная детская игрушка.

Я в недоумении уставилась на Степашина. Вот уж никогда бы не подумала, что он до сих пор в детские игрушки играет!

— Я... мы когда-то жили в этой квартире, — тихонько сказал он. — Потом родители развелись и оба уехали, а меня отдали бабушке с дедушкой... а я не успел забрать своего динозаврика. Я его прятал в щели в углу. Это было его логово. Я потом приходил сюда, но тут уже жили другие люди. А теперь вот...

За окном послышался шорох — и на остатках подоконника вдруг появился кот. Чёрный. Мы со Степашиним переглянулись.

— Бросили кота... — сердито пробормотал Степашин. — Сами уехали на новую квартиру, а его тут бросили...

— Он голодный, наверное! — спохватилась я и полезла в рюкзак за бутербродами.

Бабушка делала очень правильные бутерброды: тонкий ломтик хлеба был густо намазан слоем масла, а сверху лежал толстый кусок докторской колбасы. Я отломил небольшой кусочек колбасы и протянула коту:

— Кис-кис!

Кот недоверчиво посмотрел на меня и принялся.

— Давай отойдём, — предложил Степашин. — Он боится, наверное.

Я наломала колбасу кусочками, положила на ящик, на котором сидела, и мы отошли к выходу из комнаты. Кот внимательно наблюдал за нашими действиями. Подумал. Огляделся. Спрыгнул на пол. Посмотрел на нас. Мы замерли, как статуи.

Кот подошёл к ящику и принялся жадно есть колбасу, временами поглядывая в нашу сторону, словно давал понять, что врасплох мы его не застанем.

— Пойдём отсюда, — прошептал Степашин и потянул меня за руку. — Мы ему мешаем.

Мы на цыпочках вышли в подъезд. Я глянула на стенку — и застыла с открытым ртом.

— Рыбакова! Ты чего?.. — Степашин проследил за моим взглядом и в недоумении уставился на меня. — Привидение увидела, что ли?

— Там был кот! — сказала я, с трудом ворочая языком и по-прежнему не отрывая взгляда от пустой стенки.

Степашин оглянулся через плечо в квартиру, из которой мы вышли, потом посмотрел по сторонам. Помахал ладонью перед моим лицом.

— Эй! Да что с тобой? Кот в квартире остался!

— Когда я зашла в подъезд, то сразу увидела нарисованного на стенке чёрного кота. А теперь его нет!.. Разве ты его не видел, когда зашёл?

Степашин пожал плечами.

— Ну, я стенки не разглядывал...

Я достала из кармана телефон. Надо сфотать стенку, а потом прийти сюда ещё разок и проверить. Ну не могло же мне показаться! Я точно видела нарисованного кота...

Степашин скептически наблюдал за моими действиями, но молчал.

— Кстати, а тебя-то сюда каким ветром занесло? — спросил он, когда я сунула телефон обратно в карман. — Тоже жила в этом доме?

— Мимо проходила... — пробормотала я.

Лучше бы и впрямь мимо прошла! Вечно я вляпываюсь в какие-то странные приключения...

— А хочешь, покажу кое-что? — вдруг спросил Степашин.

— Что?

— Кое-что интересненькое! — Не оглядываясь на меня, будто абсолютно уверенный, что я последую за ним, он затопал по крутым ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж.

На секунду я заколебалась. Тусить со Степашиним в мои планы не входило, но раз уж он здесь... а у меня всё равно есть пара часиков до возвращения мамы домой...

Я вдела и другую руку в лямку рюкзака, чтобы не соскальзывал с плеча, и пошла за Степашиным.

Глава 4

Местами обломанные, шаткие деревянные ступени вели к скособоленно повисшей на петлях двери на чердак. Полумрак за дверью рассекали неяркие лучи октябрьского солнца, которые пробивались сквозь щели в крыше.

Чердак оказался высоким, пропахшим пылью. Между деревянных опор были протянуты верёвки. Два больших кирпичных дымохода раскорячились посередине, а в остальном на чердаке было пусто.

— Иди сюда! — Степашин махал рукой, стоя возле слухового окна.

Я подошла и выглянула наружу.

— Красота какая!

Из окна, совсем близко, виднелась наша река Тыльжа, а за ней — берёзовая роща в жёлтом осеннем наряде. Ни домов, ни дорог, ни людей. Даже не скажешь, что совсем рядом пусть и небольшой, но всё же город.

Степашин опёрся локтями на ветхий подоконник.

— Здесь раньше бельё сушили. Я любил сюда с мамой приходиться. Зимой лес совсем сказочным кажется. Как будто вот-вот Дед Мороз отсюда выйдет.

— Вот уж никогда бы не подумала, что ты верил в такие глупости, как Дед Мороз! — не удержалась я. — Ты же у нас только в науку веришь!

Степашин вдруг резко отвернулся.

— Ладно, пошли отсюда, — буркнул он. — Зря я тебя сюда притащил...

Вот чёрт! Опять я пошутила невпопад... И ни за что человека обидела... Вечно у меня язык быстрее мозгов оказывается...

Степашин шагнул вперёд.

— погоди... — Я схватила его за рукав. — Ты... это... не обижайся... Я не хотела... Ну просто... ты же отличник у нас, химию-физику-математику назубок знаешь... это я вечно о чём-то мечтаю и ворон считаю... Мне и в голову не могло прийти, что ты... тоже верил в Деда Мороза...

Степашин обернулся.

— А я и сейчас верю. В чудеса. Потому что мир без чудес был бы слишком сухим и скучным.

Я с облегчением улыбнулась и выпустила рукав его куртки.

— Возможно, чудеса случились буквально пять минут назад!

— Какие?

— Ну кот же! Чёрный. Он был нарисован на стенке, когда я заходила в подъезд. А потом чёрный кот запрыгнул в окно. А когда мы вышли, нарисованного на стенке кота уже не было!

— Точно! — улыбнулся в ответ Степашин. — Вот всегда так, с этими чудесами: они и в самом деле случаются, но все мимо них проходят и даже не замечают!

— А пойдём посмотрим, как там кот? Вдруг он уже обратно на стенку вернулся?

— Скорее ждёт новую порцию колбасы! — засмеялся Степашин. — Надеюсь, у тебя ещё остались бутерброды.

— У меня и пирожки есть! С повидлом. И какао в термосе.

— Ого! Ну ты прям в экспедицию сюда собиралась, что ли?

— Да просто... надоела овсянка, — неожиданно призналась я. — Иногда настоящей еды хочется...

Мгновение Степашин молча смотрел на меня, и мне почудилось, что в его взгляде мелькнула тень то ли сочувствия, то ли понимания.

— Пошли. Я знаю местечко, где можно спокойно посидеть — и слопать пирожки! Не знаю, как кот, а я от пирожков не откажусь.

Мы спустились по лестнице и осторожно заглянули в квартиру, где оставили кота. Там было пусто. Я посмотрела на стенку подъезда — и там пусто. Может, мне всё-таки померещился тот рисунок?

— Кот, наверное, удрал давно, — сказал Степашин и вышел на улицу.

Я вздохнула. Видимо, всё-таки померещилось...

Степашин завернул за угол и привёл меня к скособоченным сараюшкам на заднем дворе. К крайней развалюхе притулился широкий навес, под которым стоял узкий деревянный стол и две лавочки.

— Тут раньше мужики в домино играли. — Степашин уселся на лавочку. — А я любил поблизости крутиться.

Я села на лавку с противоположной стороны стола и достала из рюкзака термос и пакет с едой.

— А где ты теперь живёшь? — спросила я, разворачивая пакет.

— Да тут недалеко. — Степашин кивнул в сторону старого микрорайона из советских панелек. — На Кузнечке.

— Да ладно! А я тоже там когда-то жила. Только я мелкая была совсем, плохо помню. Держи! — Я протянула ему бутерброд, а сама откусила пирожок. — Какао будешь?

Он кивнул.

Я налила ему полную чашку от термоса. А мне, похоже, придётся прямо из термоса хлебать.

— А вы куда оттуда переехали? — спросил он.

— В новостройку. На Ипатова. Мне лет пять было. А ты как к нам в школу попал, если на Кузнечке живёшь? Оттуда далековато ходить.

— А у нас школа была старая, ещё довоенная. Тоже в деревянном бараке. Сказали, что здание аварийное, сносить надо, вот всех и распределили по другим школам. У нас всего-то десять человек в классе было. Половину в шестнадцатую перевели, а половину — к вам.

Он доел бутерброд, и я пододвинула к нему пакет с едой.

— Да ты ещё бери, я одна лопну. Моя бабуля такие пирожки печёт, что язык проглотишь! Всю жизнь поваром проработала. На кузнечном как раз. Потому и квартира была на Кузнечке.

— А у меня дед там работал. Кузнецом.

— Ну надо же! Да мы чуть ли не родственники, оказывается! — засмеялась я.

И вдруг поняла, что Славка Степашин — первый человек, с кем я чувствую себя легко и свободно. Даже с бабушкой такого ощущения нет. Ей ведь всего не расскажешь. Уж очень по-своему она всё понимает...

Степашин вдруг застыл с надкусанным пирожком в руке.

— Слушай, это глупость, наверное, но...

— Но что? — спросила я.

— Да я вдруг вспомнил, что, когда я здесь жил, тут тоже был чёрный кот. Дядь Мишин, кажется. Он на первом этаже жил, в другом подъезде. Но не может ведь это быть тот же самый кот... Сколько лет прошло, коты столько не живут... Или живут?

— А ты когда отсюда уехал?

— Так, ну вот когда родители развелись, это уже лет десять получается.

Я задумалась. Десять лет для кота — это немало, конечно, он уже совсем старенький тогда, должно быть... Или это совсем другой кот. А то и вовсе кошка! Мы ж ей под хвост не заглядывали...

Я оглянулась.

— В любом случае, котика жалко... Найти бы ему новый дом...

— Да... жалко котика... Только его ещё поди поймай. Ты ж видела, какой он дикий. Людям не доверяет.

— Ну... давай его хоть подкармливать, что ли? Может, приручим?

— И куда его потом? Заберёшь? А то у меня дома собака.

Я вздохнула.

Просить маму разрешить мне завести «помоечного кота» — это совсем не вариант.

— Придумаем что-нибудь! — Мне хотелось уверить в этом не столько Степашина, сколько саму себя. — Есть же приюты. Или сфотаем его и объявление повесим. Может, кому-то понравится...

Верилось с трудом, но нельзя же просто бросить несчастную животинку на произвол судьбы!

— Ладно, — согласился Степашин. — Уж покормить-то кота дело несложное. Да мне и недалеко тут. По дороге в школу практически.

— А давай завтра снова здесь встретимся? — Слова вылетели из меня, прежде чем я успела их осознать.

Степашин широко улыбнулся.

— С меня кошачий корм, а с тебя — пирожки?

Я засмеялась и кивнула.

Глава 5

Я так заболталась со Степашиним, что домой пришлось мчаться галопом.

— Что-то ты загулялась сегодня. — Бабушка встретила меня в прихожей. — За полдень уже, мама вот-вот вернётся.

— Пока погода хорошая, хоть свежим воздухом подышать! — отшутилась я. — Пойду уроками займусь.

Скрывшись в своей комнате, уроками заниматься я, конечно, не стала. Какие уж тут уроки... Тут голова кругом...

Вот что это было, а?

Чёрный кот — нарисованный и настоящий. Степашин. С динозавриком! И в слезах.

Кто бы мог подумать, что нелюдимый зубрила и отличник на самом деле классный парень. Первый, с кем мне было легко и интересно просто поболтать. Не подбирая слова и не ожидая подвоха.

Ой... я в него влюбляюсь, что ли?..

От неожиданной мысли щёки обдало жаром. Я плюхнулась на кровать и уткнулась лицом в подушку.

Влюбляться я как-то не планировала... Хотя одноклассницы уже поглядывали на мальчиков. Шушукались между собой и хихикали. Но у меня подружек нет, так что я в девичьих сплетнях и посиделках не участвую.

И, кажется, впервые об этом пожалела.

Ведь даже поговорить-то не с кем. Не к бабушке же с такими разговорами идти...

Я, не глядя, протянула руку и взяла своего голубого слонёнка по имени Борька, который всегда лежит рядом с подушкой. Бабушка мне его на пятилетие подарила. Он со мной с самого детского сада. Однажды, когда я вернулась из садика расстроенная, бабушка потрепала меня по голове, взяла за нос и потянула.

«Ну, чего нос опустила? — спросила она. — Будешь кукситься, вырастет у тебя хобот, как у слонёнка!» И сунула мне в руки игрушку.

С тех пор, когда мне становилось грустно, я всегда брала своего верного Борьку и тягала его за хобот. «Не грусти, — говорила я. — У тебя и так уже нос длинный!»

А ведь Степашин такой же, внезапно осознала я. Он тоже одиночка, и ему тоже поговорить не с кем.

Так вот оно что!

Как говорится, встретились два одиночества. И влюбились...

Да ну, ерунда! Просто поболтали и всё. С одного разговора не влюбляются.

Хотя... откуда мне знать? Я ведь ещё ни разу не влюблялась...

В прихожей щёлкнул замок и открылась дверь. Мама вернулась.

Я вздохнула и закрыла голову подушкой.

Начинается... Опять нужно держать лицо, думать, что говоришь, и глотать противную еду, от которой тошнит. А потом ещё и полтора часа занятия с репетитором...

Я не выдержала и застонала.

Больше всего на свете мне хотелось попасть обратно, на задний двор старого барака, где можно просто быть собой настоящей...

В комнату заглянула бабушка.

— Ясенька, обед готов.

Я высунула голову из-под подушки.

— Ба, а пирожки ещё остались?

Бабушка довольно улыбнулась.

— А ты всё слопала уже, что ли? Вот это хорошо погуляла! Ладно, я вечером тебе яблочный пирог испеку. А на обед сегодня рыбка запечёная. С рисом.

Я провела рукой по взлохмаченным волосам, имитируя расчёсывание, и встала с кровати.

— Ба, с твоими кулинарными талантами надо кафе открывать, а не вот это вот всё...

— Да скажешь тоже! Какие там таланты, какое кафе... Иди уже, а то мать ругаться будет.

Обед прошёл, как обычно. Мама спросила про уроки, получила ответ, что всё в порядке, и на этом разговор закончился.

Занятие с репетитором я кое-как отсидела, но, похоже, знаний мне это не прибавило.

Вероника осталась недовольна.

— Яся, ну мы же договорились, что ты подготовишься к сегодняшнему занятию. А я вижу, что ты даже учебник не открывала. Мы эту тему уже третью неделю мусолим! С такими знаниями ты не то что на бюджет не поступишь, ты и ЕГЭ завалишь...

Я с тоской уставилась в монитор.

— Да не хочу я на экономический поступать! — вдруг призналась я.

От удивления, Вероника, сама студентка второго курса экономфака, подалась ближе к камере, и её лицо расплылось на весь экран.

— Как это? А зачем тогда тебе репетитор по математике?

— Мама так решила...

— Понятно... — Вероника откинулась обратно на спинку стула. — Ну а ты-то чего хочешь? Куда поступать будешь?

Я пожала плечами.

Какая разница, чего я хочу? Всё равно будет так, как решил кто-то другой...

— Ну ладно, давай я тогда твоей маме скажу, что больше не могу с тобой заниматься? Типа, времени нет, у самой сессия, и всё такое. Учиться ты не хочешь, а мне как-то неловко деньги брать за халтуру. Всё же твоя мама — знакомая моей тётки, не посторонний человек.

Я помотала головой.

— Тогда она другого репетитора найдёт. И мало ли кто попадётся...

Вероника на самом деле классная. Не придирается, не ругает, старается понятно объяснить, чтобы дошло даже до такого тормоза, как я. Только благодаря ей у меня математика на твёрдую четвёрку выходит. Да и хоть кто-то не пытается меня воспитывать, а готов выслушать моё мнение.

— Ты маме ничего не говори. Обещаю взяться за ум и подготовиться к следующей субботе.

Вероника усмехнулась.

— А то я себя не помню в твоём возрасте! Какой там ум, там сплошь ветер в голове. И мальчишки! — Она подмигнула.

Я вспыхнула.

— Скажешь тоже... Какие мальчишки, меня из дома-то не выпускают, целыми днями за учебниками сижу.

— Да ладно, не парься! Помни, что школа совсем скоро закончится. Вот стукнет тебе восемнадцать — и делай что хочешь. Никто тебе не указ будет!

Хорошо бы, подумала я. Но верится как-то слабо...

Глава 6

По воскресеньям у мамы встреча клуба ЗОЖ. Толком не знаю, что они там делают, но, если погода хорошая, то обычно идут куда-нибудь в пеший поход. Иногда даже на целый день. Уже несколько лет мама постоянно зовёт меня с собой (ребёнок должен с детства привыкать вести здоровый образ жизни!), но я отговариваюсь — в основном уроками. Бабушка меня поддерживает и прикрывает: говорит, что мне пора бы уже учиться помогать по хозяйству.

Я и правда помогаю. И убрать могу, и постирать-погладить, и приготовить что-нибудь простенькое вроде каши или яичницы. Но в хорошую погоду бабушка всегда отправляет меня погулять.

«Твоё дело молодое! — говорит она. — Нахлебаешься ещё, когда подрастёшь. Работа, дом, семья, дети — передохнуть некогда будет. Гуляй, пока есть такая возможность. Иди хоть с подружками пообщайся. А то сколько ж можно одной взаперти сидеть!»

Боюсь, бабушка даже не подозревает, что пообщаться-то и не с кем...

Но погулять я никогда не откажусь! Я люблю порисовать на улице: людей, машины, деревья — всё, что угодно. Получается, конечно, так себе, но я стараюсь. Видео в интернете смотрю, мастер-классы. Поступить в художку я не надеюсь, просто погружаюсь в рисование с головой — и тогда из головы улетучиваются проблемы.

Правда, из жизни они при этом не исчезают, разумеется...

Я шла к бараку и пыталась решить, стоит ли попросить Степашина помочь мне с химией. С одной стороны, он сам предлагал. С другой стороны... а вдруг он в меня влюбился? Иначе с чего бы такие предложения. А с третьей стороны, во вторник контрольная, и получить двойку уж очень не хочется...

Впрочем, почему сразу «влюбился»? Может, просто подружиться хочет. Если ему тоже пообщаться не с кем, то я его вполне понимаю.

Хотя откуда мне знать, что ему пообщаться не с кем? Что я вообще про него знаю? Мы ведь едва знакомы...

Я так задумалась, что наступила прямо в лужу, и вода плеснула на кроссовки. Я встряхнула головой.

Ох, от всех этих мыслей и так уже ум за разум заходит! Мало мне было проблем с учёбой, так теперь ещё и «личная жизнь» добавилась...

Когда я добралась до барака, Степашин уже сидел на крыльце.

— Привет! — сказал он и поднялся.

— Привет! Кота не видел?

Степашин помотал головой.

— Прячется, наверное, где-то. Может, в подвале? Там наверняка мыши есть. Добыча!
— Он улыбнулся.

— А пойдём посмотрим?

— Бедовая ты девчонка, как сказал бы мой дед! Приключения любишь?

— Скуку не люблю. Ходить по струночке, делать по правилам, раскладывать по полочкам и всё такое. Хочется хоть иногда на волю вырваться, а то дома...

— Понимаю... — Степашин вдруг погрузился. — Я и сам не прочь на волю вырваться...
Надоело уже зубрить, но...

— Что «но»?

— Да так, ничего... Пойдём и правда подвал проверим. Может, что-нибудь интересное найдём! — подмигнул он.

Дверь в подвал была под лестницей на второй этаж. Она противно взвизгнула несмазанными петлями, и из неё пахло затхлым воздухом с лёгким оттенком плесени и сырости. Внутри было темно.

— Попробуем найти чёрную кошку в тёмном подвале! — с преувеличенной шутливостью сказал Степашин и сделал шаг вперёд.

Что-то хрустнуло, и он едва не нырнул в дверной проём головой вниз, успев в последний момент ухватиться за косяк.

Я поймала его сзади за куртку и вытянула обратно в подъезд.

— Ну ты даёшь! — Сердце у меня колотилось где-то в горле, а руки тряслись. — Ещё не хватало шею себе сломать... А говорил, что я бедовая!

Он улыбнулся, но не слишком убедительно.

— Кажется, ступенька сломалась...

— Ну так надо было фонарик включить! Мы ж не кошки, чтоб в темноте лазить.

Я достала телефон, нажала на кнопку и направила луч света в подвал.

Верхняя ступенька действительно сломалась. Неудивительно, это ж сколько этому бараку лет! А в подвале ещё и сыро, всё прогнило давно.

— Вот я балбес! — вдруг засмеялся Степашин. — Там же лампочка есть! Внутри, справа, прямо за дверью выключатель должен быть.

Я протянула руку и действительно нащупала выключатель. Он щёлкнул, но никакая лампочка не загорелась.

— Наверное, электричество в доме отключили. Здесь ведь уже не живёт никто... Кис-кис-кис! — позвала я, водя лучом фонарика по подвалу.

Луч выхватывал какую-то рухлядь: покрытую толстым слоем пыли большую корзину, остов велосипеда без колёс, древнюю стиральную машину, на которой стояли картонные коробки разного размера. Из одной торчала потёртая голова плюшевого мишки.

— М-да... — протянул Степашин у меня за спиной. — Прямо свалка какая-то...

Мне вдруг стало грустно. Здесь лежали забытые и никому не нужные вещи. Хозяйева бросили их в подвале дома, который скоро снесут. Наверное, подвал просто заровняют бульдозером, и всё эти вещи будут похоронены тут навсегда. Целое кладбище забытых вещей...

А ведь когда-то кто-то гонял на этом велосипеде, от которого теперь остался лишь ржавящий остов. Стиральная машинка усердно трудилась, стирая вещи на большую семью. Плюшевый мишка был чьей-то любимой игрушкой — как мой голубой слоник...

— Знаешь... — нерешительно сказала я. — Давай не будем туда заходить.

— Боишься, что нам на голову что-нибудь рухнет?

Я молча кивнула, не желая вдаваться в объяснения.

— Тоже верно, — согласился Степашин. — Даже если кот там, то вряд ли он выйдет нам навстречу. Дикий он слишком. Давай просто оставим ему еду на крыльце?

— Нет, давай попробуем поискать его во дворе. А то мало ли кто оставленную еду съест, а коту ничего не достанется.

Я сунула телефон в карман куртки — и вдруг наткнулась на цилиндрик. Вытащила его из кармана.

— Что это? — спросил Степашин, глядя на мою раскрытую ладонь.

— Пузырялка! — засмеялась я.

Он в недоумении уставился на меня.

— Ну штука такая, для мыльных пузырей. Мне её одна девочка в парке подарила, а у меня совсем из головы вылетело. А давай пузыри пускаем? Это весело!

— Тебе сколько лет! — засмеялся в ответ Степашин. — Может, ты до сих пор в куклы играешь?

Я на долю секунды споткнулась с ответом.

— Нет, — тихо сказала я. — В куклы не играю. Но любимый слоник у меня есть... А тебе не кажется, что чем взрослее становятся люди, тем они скучнее? И тем реже улыбаются...

Степашин взял цилиндрик с моей ладони.

— А давай с чердака пузыри пускать будем? Оттуда они далеко улететь могут.

Глава 7

На чердаке всё было по-прежнему: тихо, пыльно, просторно. Мы подошли к слуховому окну. Берёзы на другом берегу реки ярко горели золотом на фоне затянутого низкими тучами неба. Солнце ещё пробивалось сквозь тучи, но, похоже, дело шло к дождю.

Пожалуй, мне лучше не задерживаться и вернуться домой к обеду, а то как бы мама не пришла сегодня пораньше...

Я тряхнула головой, выбрасывая из неё эти мысли. Потом будет потом, а пока можно веселиться и пускать пузыри!

— Ты первый! — Я протянула пузырляку Степашину.

Он взял и покрутил её в руках.

— А знаешь, кажется, я никогда не пускал мыльные пузыри... по крайней мере, я такого не помню. Как этой штукой пользоваться-то?

— Ну ты даёшь! — расхохоталась я. — Давай покажу!

Я раскрутила пузырляку и осторожно подула в колечко. Из него вытянулся пузырь и поплыл по воздуху в сторону леса. Интересно, доплывёт или нет?

— Здорово! — сказал Степашин.

Я отдала ему пузырляку. Он вытянул губы трубочкой и сильно подул. Из колечка разлетелись мелкие пузырьки.

— Нет, не так. Попробуй потише и помедленнее.

Он попробовал. Получилось лучше, но не намного. Я забрала у него пузырляку.

— Смотри, надо вот так!

Я снова показала. На этот раз выдулись сразу два пузыря и слепились друг с другом.

— Сиамики близнецы получились! — захохотал Степашин. — А ну-ка я!

Мы по очереди выдували пузыри, то и дело смеясь, поддразнивая друг друга и соревнуясь, чей пузырь больше.

Я смотрела, как мой пузырь радужно переливается в лучах солнца и неспешно отлетает в неизведанную даль.

— Вот было бы здорово, если бы эти пузыри были волшебными! — вырвалось у меня.

— В каком смысле?

— Ну, пускать пузыри — это такое весёлое и беззаботное занятие. Невольно начинаешь смеяться. Вот если бы пузыри заряжались этим смехом и разносили его повсюду! Может быть, мир стал бы чуточку лучше?

Я перевела взгляд на Степашина — и наткнулась на его серьёзный взгляд.

— А я бы хотел, чтобы пузыри забирали с собой всё плохое. Вот так надул пузырь, собрал в него всё, что камнем лежит на сердце — и выпустил на волю. А пузырь потом — чпок! — и лопнул. И на сердце сразу стало легко...

Мы, не сговариваясь, отвели глаза друг от друга и замолчали.

— Кстати, а ты знаешь, что мыльный раствор — это щёлочь? — вдруг нарушил молчание Степашин.

Ну вот, было так весело, но меня, как обычно, чёрт за язык дёрнул — и всё пошло наперекосяк...

— А щёлочь-то тут при чём? — неохотно спросила я.

— При том, что без неё мыльного пузыря бы не было! Мыло имеет щелочную природу и поэтому заставляет молекулы жиров выстраиваться в рядочек: гидрофильной частью к воде, а гидрофобной — от воды. Так молекулы собираются вместе, и на поверхности воды появляется мыльная плёночка. Очень крепкая, потому что молекулы крепко держатся друг за друга. А потом плёночка растягивается в пузырь потоком воздуха. Если качество мыла не очень, то и пузыри из него плохие выдуваются: маленькие и лопаются быстро.

Я с удивлением посмотрела на Степашина.

— Вот уж не думала, что и в пузырях есть химия!

— Химия есть везде! — засмеялся он. — Даже в пирожках твоей бабушки.

— Бабушка только натуральные продукты использует, — фыркнула я. — Всякую химию в еде она на дух не переносит.

— А без химии пирожки не получатся. Судя по вкусу, тесто было не дрожжевое, а на кефире. А значит, понадобилась сода. Зачем нам сода? — Он посмотрел на меня с видом и интонацией профессора, который экзаменует студента.

Я пожалала плечами.

— Чтобы тесто было пышным! — объяснил он. — А за счёт чего оно получается пышным?

Я закатила глаза. Ну вот, и тут урок химии начался! Никуда от неё не денешься...

— За счёт той самой реакции нейтрализации между содой и молочной кислотой! — Степашин сделал вид, что поправляет очки. — С выделением углекислого газа. Пузырьки газа делают структуру теста пористой и воздушной. А иначе оно было бы плотным и жёстким.

Он выглядел таким забавным, что я невольно захохотала.

— Тебе надо вместо Барыни химию вести! У тебя отлично получается!

— Да там всё не так уж сложно, если разобраться. Но если с самого начала запустить, то да, потом вообще ничего не поймёшь. Знала бы ты, сколько я с Верой Петровной первые параграфы мусолил! И гоняла она меня нещадно, по всем вопросам и задачкам... — Он вдруг посмотрел мне прямо в глаза. — Я знаю, что тебе не нравится Вера Петровна. Она, конечно, строгая, но не злая. Просто не любит лентяев.

Его слова меня озадачили.

— Хм... Что-то я не припомню, чтобы она тебя прям уж гоняла. Наоборот, ты у неё сразу же в любимчики попал.

Он на секунду замялся.

— Я у неё дома всё лето занимался, ещё до того, как в школе химия началась. Она училась вместе с моей бабушкой на первом курсе химфака. А потом бабушка в медицинский ушла. Когда бабушка узнала, что меня переводят в школу, где Вера Петровна химию преподаёт, то попросила её со мной заранее позаниматься.

— Твоя бабушка врач?

— Нет, провизор. В аптеке работает. На Гоголя которая, в торговом центре.

— Понятно...

Ну да, теперь понятно, почему Степашин так здорово химию знает и почему, в отличие от всех остальных, не называет химичку Барыней, а та в нём души не чает.

— Так ты на химфак поступать собираешься? Химиком хочешь стать?

— Ну... возможно. Пока не решил. Может быть, буду материаловедом. Или фармацевтом.

Я посмотрела на него с внезапным уважением. Вот человек, который (хотя бы примерно!) знает, чего хочет. И упорно идёт к цели. А я знаю только, чего не хочу, но именно туда меня и пихают...

— Ясь...

Я вопросительно посмотрела на него.

— Так это... во вторник контрольная. Ты позаниматься не хочешь? Там не сложно на самом деле, просто в учебнике часто написано так, что голову сломаешь. А если разобраться, то всё проще пареной репы.

— Ну... — Мои колебания длились лишь секунду. Какая разница, что стоит за предложением Степашина? Главное, что мне с ним интересно и весело. — Да, давай. Ты и правда здорово объясняешь.

Он просиял.

— Завтра после уроков?

Я кивнула.

— Можно прямо здесь, под навесом. Там и стол со скамейками есть. Заодно кота покормим... Кстати, мы про него совсем забыли! — спохватилась я. — Пойдём, может, во дворе поищем?

— Пошли! — Он сгрёб оба наших рюкзака, брошенных на пол. — Зря я что ли целых две сосиски ему приволок!

Мы обыскали задний двор, но кота не нашли.

— Ладно, — сказала я, — давай хоть перекусим, да мне уже домой пора бы.

Мы уселись за стол под навесом — и как раз вовремя! Из хмурых туч закапали капельки, которые поблёскивали в лучах упорно сиявшего солнышка.

— Грибной дождик! — кивнул Степашин на сверкающие струйки воды. — Опята и лисички повывлезают.

— Ты в грибах разбираешься?

— Не очень, — признался он, прожёвывая кусок яблочной шарлотки. — Бабушка разбирается. Она любит в лес ходить, и меня с собой берёт.

— А как твою бабушку зовут?

— Валентина Афанасьевна. А твою?

— Анна Сергеевна.

— А фамилия?

— Так Рыбакова же.

— Как это?

— Ну... мама замуж не выходила. Записала меня на свою девичью фамилию, так что мы все втроём Рыбаковы...

И я даже имени отца не знаю, потому что мама и отчество своё использовала, так что я тоже Александровна, но вываливать все эти подробности на Славку мне не хотелось. И вдаваться в семейные истории тоже не хотелось, ведь в кои-то веки удалось про всё это забыть — хотя бы ненадолго...

— Эй... ты чего? — Славка встревоженно взглядылся в меня. — Я что-то не то ляпнул, да? Прости, я не...

— Да ладно, не бери в голову! — Я с усилием растянула уголки рта подальше в стороны. — Просто не самая весёлая тема для разговоров...

— Понял... А ты не хочешь с нами сходить? Если в следующие выходные погода будет хорошая, то мы с бабушкой в лес пойдём. За клюквой, грибами, травками разными.

Я задумалась. Предложение было очень соблазнительным. Стыдно признаться, в лесу я ни разу не была, хотя лес-то вот он, за рекой. Но с мамой и её клубом ЗОЖ я бы в жизни

не пошла, а бабушка говорила, что грибов побаивается: помнит, как детстве соседи грибами отравились, и теперь разве что в супермаркете вешенки и шампиньоны покупает, и то редко.

С другой стороны, это ж не со Славкой вдвоём прогуляться, там ещё и его бабушка будет...

Ой, кажется, я теперь называю Степашина Славкой?..

Ещё на «Славика» перейти не хватало! Неужели и впрямь влюбляюсь?

Я подняла взгляд. Славка выжидательно смотрел на меня.

— Ну... не знаю, — нерешительно сказала я. — Если отпустят...

Глава 8

Кота мы так и не нашли, поэтому просто оставили ему сосиски под навесом и распрощались. Мне пора уже было домой, чтобы мама не засекала.

Вот только идти домой совсем не хотелось. Как будто добровольно в клетку возвращаешься. Я поняла, что почти ничего не знаю про Славку, но, похоже, у него неплохие отношения с бабушкой и дедушкой. По крайней мере, химию он зубрит не потому, что его заставляют, а потому, что ему самому нравится. Видно же, как у него глаза горят, когда он про всё это рассказывает. И гулять сколько влезет ему явно не запрещают, потому что домой он совсем не торопился. Мы бы там до вечера просидели и проболтали, если б я не боялась, что мне влетит за прогулку без разрешения.

Я сердито пнула попавшийся под ноги жёлудь.

Ну вот что за невезение, а? Все одноклассники гуляют и развлекаются, устраивают вечеринки, общаются в интернете, а у меня до сих пор даже своей странички в соцсетях нет! Славка сегодня спросил, как со мной связаться — а я смогла ему дать только номер телефона. И попросила не звонить, а смски отправлять.

Славка наверняка удивился, но вопросов задавать не стал. Возможно, увидел мой кнопочный телефон и решил, что у нас денег нет, чтобы смартфон купить. Деньги-то есть, но смартфон в руках ребёнка — это слишком опасно, по мнению мамы. Мало ли какие маньяки сидят в соцсетях. И специально выискивают девочек-подростков, а потом вынуждают их вытворять всякое непристойное...

Странно, но, похоже, маму настолько пугают какие-то мифические маньяки в интернете, что она и сама соцсетями не пользуется. Все давно сидят в ВК и Одноклассниках, а она упорно не хочет. И на мой компьютер мама тоже поставила блокировку на все соцсети и даже новостные сайты. Паранойя какая-то...

Я добрела до дома. Судя по обуви в прихожей, мама ещё не вернулась. Я успела. Но особой радости от прогулки всё равно не испытывала.

Бабушка выглянула из кухни.

— Ясенька! Ты чего нос повесила? Случилось что?

— Нет, всё нормально. Устала просто.

Бабушка внимательно посмотрела на меня.

— Может, перекусишь? Пока мама не пришла.

Мне ужасно захотелось швырнуть рюкзак в стену и заорать. Просто заорать. Во всё горло. От злости и бессилия.

Но так нельзя. И бабушка ни в чём невиновата же.

Я вздохнула.

— Всё хорошо, ба. Правда. — Подняла глаза и натянуто улыбнулась. — Вкусная у тебя шарлотка. Я всю слопала, так что не голодная.

Бабушка покачала головой, но промолчала. Я поскорее сбежала к себе в комнату.

В телефоне уже была смска от Славки:

Ты дома?

Я неуклюже набрала ответ, путаясь в буквах (ну не умею я писать смски, просто некому было их писать!):

Да, только зашла.

Ответ пришёл почти мгновенно, словно Славка сидел и ждал, не выпуская телефон из рук:

А я решил ещё погулять. Видел кота. Он сожрал сосиски :-D

Я улыбнулась. Всё-таки не зря мы в барак ходили!

Здорово! Я очень рада.

Тогда до завтра?

До завтра!

Пока

Пока

Я смотрела на экран телефона, перечитывая нашу переписку и жалея, что разговор так быстро закончился, но не знала, что ещё сказать. Да и сложно смсками разговаривать...

И всё равно, от этой короткой переписки — первой в жизни! — на душе потеплело и злость растаяла.

Я подумала про завтрашний день. Понедельник... Снова в школу. И надо будет как-то пережить ещё целую неделю до каникул. И контрольную по химии во вторник...

Однако будущее уже не выглядело беспросветно мрачным. Ведь завтра после уроков мы снова пойдём в барак. И будем заниматься химией.

Вот кто бы мог подумать, что я буду предвкушать занятия химией?

Но Славка и правда интересно объясняет. В учебнике скука смертная и ничего непонятно. А про пирожки и мыло понятно. И занятно! Надо будет бабушке рассказать, что в её натуральных пирожках сплошная химия!

Я хихикнула, представив лицо бабушки после такой новости.

И вдруг осознала, что все мои почти четырнадцать лет жизни бабушка была единственным человеком, с кем я хоть как-то общалась.

Ну ещё подружка Леська была в детском саду. А потом мы с ней попали в разные школы: её отдали в гимназию с углублённым изучением английского, а меня — в обычную районную. И наше общение сошло на нет... А в школе я так и не завела новых подружек. Да и как их заведёшь, если тебя никуда не пускают? Даже на дни рождения одноклассников! И к себе в гости мама никого не зовёт и мне звать запрещает. Не дом, а тюрьма какая-то...

У мамы и у самой подруг нет — не считая этих её ЗОЖников. Но они только на своих клубных встречах общаются.

А я в результате вообще ни с кем не общаюсь...

Я посмотрела в окно. Небо разъяснилось, и мягкое осеннее солнце катилось к закату. Я подошла и распахнула окно настежь, впуская колючий ветерок и шум улицы. За окном был целый мир — а я вынуждена сидеть в тесной комнате и смотреть на него сквозь стекло...

Поскорее бы мне стукнуло восемнадцать! Вероника сказала, что тогда мне будет никто не указ. Даже мама.

Но как мне прожить в клетке ещё целых четыре года?..

Глава 9

В понедельник первым уроком была литература. Когда я зашла в класс, Славка уже сидел на своём месте возле окна. Наши взгляды встретились, и мы оба слегка улыбнулись. Не сговариваясь, в школе мы решили делать вид, что ничего не изменилось.

И всё же я то и дело ловила себя на том, что смотрю на белобрысый вихрастый затылок. Ленка Филиппова, моя соседка по парте, пихнула меня локтем.

— Чего это ты вдруг на Степашина заглядываешься? — шепнула она.

Я почувствовала, как щёки вспыхнули, и уткнулась взглядом в учебник.

— Придумаешь тоже! Сдался он мне.

— Да ты с него весь урок глаз не сводишь!

— Я в окно смотрю!..

— Рыбакова! — Надежда Викторовна направила на меня указку. — Я вижу, тебе не терпится ответить на мой вопрос. Ну что же, мы тебя слушаем.

Весь класс посмотрел на меня.

Я встала, чувствуя, что теперь пылают уже не только щёки, но и уши, и шея.

— Эээ... простите, Надежда Викторовна, я отвлеклась...

— Хорошо, я повторю вопрос. Какую аллегорию использовал Крылов в басне «Тришкин кафтан»?

— Эээ... в басне «Тришкин кафтан» Крылов использовал аллегорию... аллегорию... эээ... кафтана...

Класс прыснул. Все, кроме Славки. Он смотрел на меня с сочувствием.

— Рыбакова! Ну сколько можно витать в облаках? Я понимаю, что после летних каникул трудно сосредоточиться на учёбе, но уже конец четверти, однако! Филиппова, помоги Рыбаковой. Вы ведь наверняка именно басню Крылова обсуждали.

Ленка встала рядом со мной. Класс откровенно веселился.

— «Тришкин кафтан» — это известная басня Крылова, — бодро начала Ленка. — В своей известной басне известный баснописец Иван Андреевич Крылов, родившийся в тринадцатого февраля тысяча семьсот шестьдесят девятого года в Москве...

— Филиппова, я не про биографию Крылова спрашивала! — оборвала её Надежда Викторовна. — Мне снова вопрос повторить?

От продолжения выволочки нас спас звонок. Надежда Викторовна покачала головой.

— Рыбакова, в среду я начну с тебя!

— Я поняла, Надежда Викторовна...

Мало мне было контрольной по химии во вторник, так теперь ещё и допрос с пристрастием в среду по литературе добавился...

Ну вот что за невезуха, а? Это Ленка всё начала, а крайней снова оказалась я!

На остальных уроках я старалась сидеть тише воды ниже травы и смотреть исключительно в учебник. Не хватало ещё на новые неприятности нарваться. Да и на переменах держалась подальше от Славки. Ленка Филиппова та ещё сплетница! С неё станется слухи распусть: «ха-ха-ха, Рыбакова в Степашина влюбилась!».

Или я и правда влюбилась?..

Иначе почему так невыносимо долго тянутся уроки и так безумно хочется поскорее оказаться на заднем дворе барака? С учебником химии, ага.

Ой, а я его не забыла? По расписанию-то химии сегодня нет...

Я украдкой заглянула в рюкзак. Уф, взяла!..

Звонок с шестого урока прозвучал как победный салют. Мы со Славкой переглянулись — и разошлись в разные стороны.

Он догнал меня уже на подходе к барaku.

— Я смотрю, у тебя просто талант нарваться на неприятности. Надежда Викторовна-то за что на тебя взъелась?

Я пожала плечами.

— Ленка первая начала. Пристала с вопросами.

— С какими?

Я покраснела.

— Да так, глупости. Ты сосиску коту не забыл? — Я поскорее увела разговор в другую сторону.

— Как можно забыть коту сосиски! — Славка засмеялся. — Прикормили уже хищника. Теперь если сосиски не принесём, то он нас сожрёт!

Я тоже засмеялась. Дурацкий школьный понедельник камнем свалился с души, и все неприятности отступили.

Мы уселись за стол под навесом. Я вытащила из рюкзака учебник химии и отдала Славке. Он открыл учебник — и из него выпал злополучный рисунок! Про который я совсем забыла...

— Что это? — Славка с любопытством уставился на мои каракули. — Ты нарисовала?

Мне захотелось провалиться сквозь землю — и желательно там и остаться.

Я молча кивнула.

— Смешно получилось. Если кислоте пририсовать очки, то будет точь-в-точь Вера Петровна. Ты здорово рисуешь!

Он задумчиво разглядывал картинку.

— Хотя, на самом деле, всё не совсем так.

— В смысле? — Я посмотрела на него, ожидая, что он снова заговорит про Барыню и какая она хорошая.

— В смысле кислота не дерётся с основанием, они скорее играют.

— Как это?

— Ну, представь, что у каждого атома есть один или несколько мячиков, которыми он может перебрасываться с другими атомами. Например, делиться с ними, когда один мячик на двоих. Ну как в теннисе: тыц-тыц, я тебе бросаю, а ты мне возвращаешь. А иногда атомы отбирают мячики друг у друга и не отдают.

У атома водорода всего один мячик, и если его совсем забрать, то водород становится очень несчастным, начинает на всех кидаться с просьбой дать ему мячик, иначе ему и поиграть-то нечем.

А у атома кислорода целых два своих мячика. Если он поделится одним из них с водородом без мячика, то получается гидроксогруппа. У которой даже остаётся ещё один «лишний» мячик.

И вот к гидроксогруппе прибегает другой оставшийся без мячика водород (его называют положительным ионом) и просит дать ему мячик. А кислород такой, не-е-ет! Не отдам. Переходи в нашу команду! Тогда будем перекидывать мячик друг другу.

Ион водорода соглашается и переходит в команду гидроксогруппы — и получается что? Я задумалась. Кислород и водород и ещё один водород вместе? Но тогда это...

— Это аш-два-о, да? Вода получается?

— Точно! — кивнул Славка. — А теперь нужно только запомнить, что кислота — это один или несколько атомов водорода плюс ещё что-то, так называемый кислотный остаток. Хлор, например. Атом хлора плюс атом водорода — это соляная кислота. А гидроксогруппа плюс металл или аммоний — это и есть щёлочь. Когда водород из кислоты и гидроксогруппа из щёлочи собираются вместе, то из всего остального получается соль. Ну иногда ещё что-нибудь, например, углекислый газ.

Я улыбнулась. Похоже, химия может быть не такой уж и скучной!

— Про мячики и команды ты прикольно рассказал!

— Ага, когда я представил себе электроны в виде мячиков, а ионы — в виде игроков в мяч, то сразу всё понятно стало. До этого я и сам не мог сообразить, что такое валентность, как формулу химическую посчитать, сколько чего куда писать и что из чего получается. Иногда достаточно заменить какое-нибудь заумное слово в учебнике на простое — и тогда всё становится гораздо понятнее!

Глава 10

Домой я возвращалась как во сне, и даже не заметила, когда начал накрапывать дождик.

— Ясенька! У тебя почему вся голова мокрая?! — воскликнула бабушка, встречая меня в прихожей. — Ну-ка, давай вытираться немедленно и горячий чай пить!

— Ну ба-а-а, всё нормально! Подумаешь, дождик покапал. Не сахарная же я, не размокну.

Но бабушка загнала меня на кровать, заставила укрыться тёплым пледом и принесла чашку чаю и розетку с лимоном в мёде. Каждую осень бабушка нарезает лимоны кусочками, кладёт в баночку и заливает мёдом. Лучшее средство профилактики от простуды, как она считает. Только не надо класть его в чай, надо есть ложечкой, а чаем запивать.

— Ясенька, ну где ж тебя носит по улице в такую-то погоду, а? — Бабушка присела на кровать и наблюдала, как я «принимаю лекарство». — Что-то ты совсем загулялась.

Она многозначительно посмотрела на меня.

Я едва не поперхнулась чаем. Моей бабушке надо в ФСБ работать. Она бы там точно всех шпионов переловила! Ничего от неё не скроешь...

— Да я... гуляю просто...

— Одна?

— Ну... да...

— А подружки твои где?

Я вздохнула. Неужели бабушка и правда до сих пор не понимает?

— Ба, ну какие подружки? Откуда им взяться? Я ни к кому не хожу и к себе никого не приглашаю. Все одноклассники в соцсетях сидят и общаются, а у меня даже смартфона нет...

Бабушка покачала головой и тоже вздохнула.

— Ясенька, я понимаю, что домой тебе возвращаться не очень-то хочется, но... бродить по улицам в одиночку тоже не дело. Особенно в такую погоду. Ты уроки-то когда делать будешь? Трояков нахватаешь за четверть, сама знаешь, что будет...

Конечно, знаю. Очередная мамина лекция о том, что я должна уже думать о будущем. Что без хороших оценок мне на бюджет не поступить. А платное обучение на экономическом стоит дорого. Ну и прочая ерунда, которая мне уже давно в зубах навязла...

— Ба, а если я не хочу поступать на экономический? — вдруг спросила я.

Бабушка удивлённо посмотрела на меня.

— А чего ж ты тогда хочешь?

Я пожала плечами.

— Пока не знаю. А как вообще люди выбирают профессию? Вот как ты поваром стала?

— Скажешь тоже! Разве можно меня с тобой сравнивать? У меня и выбора-то особого не было. Родители на заводе работали, а я в школе звёзд с неба не хватала. Вот моя бабушка и посоветовала мне после восьмого класса в кулинарный техникум поступить. Повар ведь всегда при еде, так что голодным не останешься. Моя-то бабушка ещё гражданскую войну помнила. А потом Отечественная... Натерпелись тогда люди. Есть было нечего, колоски собирали в поле. Картофельную шелуху варили. Да и в девяностые с едой сложно было. Я тогда не раз помянула свою бабушку добрым словом за её совет. А сейчас что? Слава богу, вы в тепле и в сытости растёте. И возможностей у вас в разы больше...

— То есть, если бы у тебя тогда были такие же возможности, как у меня сейчас, то в кулинарный техникум ты бы не пошла?

Бабушка задумалась.

— Да кто его знает... Так-то готовить я люблю. Хотя, конечно, в заводской столовой поваром работать тяжёло. А ну-ка начисти полный чан картошки! Это не в ресторане тарелочку деликатесов приготовить...

— А у тебя выпечка так здорово получается! Если бы ты свою пекарню открыла, отбою от покупателей не было бы!

— Ох, Ясенька! Ну ты и фантазёрка! Я ж только и умею, что печь. А кто будет всеми бумажными и финансовыми делами заниматься? А уж расходов-то сколько на всё это. Где деньги такие взять?— Бабушка покачала головой. — Да и куда мне на старости-то лет? Это вам, молодым, нужно свою жизнь строить, а мы, старики, уж как-нибудь своё доживём...

В её интонации мне почудилась лёгкая горечь. Я отбросила плед и обняла бабушку.

— Ба! Ну что ты такое говоришь! Какие твои годы? У тебя ещё всё впереди!

Бабушка засмеялась.

— Мне бы до твоей свадьбы дожить и правнуков помянчить! О большем я и не мечтаю. — Бабушка потрепала меня по голове. — Ложись, подремли немножко. Мама звонила, сказала, что задерживается сегодня. Ужинать сами будем. Хочешь, блинчиков пожарю?

— Да-а-а! С вишнёвым вареньем!

— Ладно-ладно. Ты поспи давай, а то намоталась по холоду. Ещё простыть не хватало!

Бабушка закутала меня пледом и ушла.

Разговор с ней оставил странное послевкусие. С одной стороны, в те времена жизнь и правда была тяжёлая. Бабушка рассказывала, что росла в бараке — вроде того, который сносить собрались, с печным отоплением и туалетом на улице. И кухня была общая. А стирали вручную в тазике. И только когда она уже в первый класс пошла, её родителям дали комнату в благоустроенном общежитии для рабочих завода.

«Я, — рассказывала бабушка, — когда впервые в туда пришла, то сразу подумала, как же тяжело будет ведра с водой на четвёртый этаж таскать! И дрова тоже надо наверх таскать. Мне и в голову не пришло, что вода там сама из крана льётся — и даже горячая! А отопление центральное, от заводской котельной».

А с другой стороны, когда мы с бабушкой смотрим старые советские фильмы, я постоянно ловлю себя на мысли, что тогда люди были гораздо ближе друг к другу. Ну да, часто им приходилось постоянно делить с кем-то и жильё, и еду. Вот как Тося Кислицына в любимом бабушкином фильме «Девчата». Бабушка говорит, что это, конечно, всё выдумка и кино, но многие детали всё равно похожи. В общем-то, именно так люди и жили: сурово и бедно.

Но зато у них были друзья и подружки.

А тут даже и поговорить по душам не с кем...

Глава 11

Во вторник первым уроком была химия.

Я шла в школу и думала, что так даже лучше: чем целый день терзаться ожиданием, проще сразу отстреляться — и получить свою двойку...

Очень хотелось верить, что выйдет хотя бы тройка: вчера Славка мне долго объяснял про мячики-электроны, и что такое валентность, и как считать коэффициенты в реакциях. Вроде, не так уж и сложно всё.

Барыня ходила между рядами парт, пресекая малейшие попытки заглянуть в чужую тетрадку. Класс напряжённо скрипел мозгами, в полной тишине слышались лишь редкие вздохи и шелест бумаги.

Первый вопрос был простым: объяснить разницу между физическими и химическими явлениями.

Это мне Славка вчера очень понятно объяснил: физические явления — это когда вещество остаётся тем же самым, даже если ведёт себя по-другому. Например, вода — это всё равно вода, даже если она лёд или пар. Поэтому если вода тает или испаряется, то это физическое явление.

А химические явления — это когда вещество меняется изнутри и становится совсем другим: например, от контакта с водой железо ржавеет. Из прочного и блестящего металла оно превращается в хрупкую рыжую ржавчину. И обратно в прочное железо его уже не вернёшь...

Я невольно подумала, что жизнь бывает чем-то похожа на химическую реакцию: человек взаимодействует с другим человеком, и иногда они просто отскакивают друг от друга, как теннисный мячик от стенки, а иногда... необратимо меняются? Вот так встретишь кого-то — и станешь совсем другим, а вся твоя жизнь пойдёт в совсем другую сторону?..

Я невольно посмотрела на Славкин затылок.

— Рыбакова! Не отвлекайся! — Барыня тут же меня засекла.

Я поспешно уткнулась обратно в тетрадку.

Ну что я за растяпа?! Даже на контрольной не могу сосредоточиться...

Ладно, какой там второй вопрос?

Расставьте коэффициенты и укажите тип реакции: $Mg+O_2 \rightarrow MgO$

Магний и кислород — это простые вещества, то есть, в результате реакции из двух простых веществ получается одно сложное... А, ну так это реакция соединения! А коэффициенты... коэффициенты... Славка говорил, что сначала надо посмотреть на то, что получается в результате, справа. Там молекула из одного атома магния и одного атома кислорода. А слева атомов кислорода два. Тогда один лишний? Нет, тогда нужно два магния и каждому дать по кислороду... Два атома магния плюс молекула кислорода получается... получается две молекулы оксида магния!

Фу-у-ух! Вроде, правильно...

Я так углубилась в контрольную, что даже не услышала звонок. Ленка пихнула меня в бок.

— А?

— Очнись, сдавать пора! — повторила Ленка.

Вот чёрт, последний вопрос я только наполовину сделала...

Я отдала тетрадку сидевшему впереди меня Артёму.

Барыня сложила стопки тетрадей у себя на столе.

— Не думайте, что раз написали контрольную сегодня, то до пятницы можно бездельничать! — сказала она, перекрикивая шум собираемых рюкзаков и отодвигаемых стульев. — В пятницу будет устный опрос. Особенно для тех, кто плохо справился с контрольной.

Она посмотрела на меня.

Ну вот! А чего сразу я? Я, вроде, кое-что даже правильно решила...

Кажется, вся моя умственная энергия ушла на контрольную по химии: остаток дня я была как в тумане. Старалась сидеть тихо и не привлекать к себе внимания. Хорошо, что по вторникам всего пять уроков!

Я вышла на школьное крыльцо и глубоко вдохнула влажный воздух с терпким запахом опавшей листвы и мокрой земли.

Ну вот, хоть одна гора с плеч: плохо или хорошо, а контрольную я написала. Ещё бы с литературой завтра разобраться, но это до вечера подождёт.

А пока...

Я невольно улыбнулась, предвкушая встречу со Славкой в барачке.

Может, нам от химии к литературе перейти? У Славки-то по всем предметам одни пятёрки, и как он только ухитряется?..

— Ясь! — Славка догнал меня и пошёл рядом. — Ну, как контрольную написала?

Я пожала плечами.

— Вроде, что-то даже решила.

— А ответы свои помнишь?

— А зачем? У тебя же всё равно другой вариант был.

— А я ваш второй вариант тоже решил! Как раз время было. Не пялиться же в окно полурока! — засмеялся он.

— Ну ничего себе! Ты точно гений. Я один-то еле осилила, а ты целых два сделал!

— Да там ерунда, я это уже давно прошёл. Всё-таки целое лето с Верой Петровной отзанимался. Кстати, у меня и завтра с ней занятие, так что завтра сразу после школы мне нужно домой, чтобы успеть подготовиться...

— Вот как... А сегодня?

— Сегодня вечером у меня тренировка по айкидо. И в четверг тоже. Но я могу немножко погулять. Давай сходим в барак, покормим кота? Не помирать же ему с голоду из-за того, что я занят!

— Давай, — согласилась я и вдруг почувствовала, что безумно расстроилась.

Хотя с чего бы? У всех нормальных людей есть какая-то жизнь после школы. Кружки, секции, прогулки с друзьями и всё такое. Только я вечно одна, сижу дома и делаю вид, что зубрю уроки...

— Эй, ты чего, расстроилась из-за химии? — Славка встревоженно смотрел на меня.

— Да нет, расстраиваться пока рановато! — Я с усилием улыбнулась. — Результат же только в пятницу будет.

— Ну... ты какая-то... грустная... А червячка хочешь?

— Чего?!

Славка засмеялся и вытащил из кармана пакет с мармеладными червячками. Достал одного и помахал им у меня под носом.

— Говорят, сладкое улучшает настроение!

— Ты такое ешь?!

— А почему нет? Смотри! — Он широко открыл рот и медленно опустил в него червячка. — Ам! Мням-мням! Хочешь?

Он протянул мне пакет.

Я нерешительно взяла одного полупрозрачного, многоцветного червяка.

— А знаешь, я их никогда не пробовала... — призналась я.

— Да ладно?! Ты сладкое не любишь?

— Люблю. Но...

Он перестал дурачиться и молча смотрел на меня.

— Моя мама ведёт здоровый образ жизни. Она считает, что сладкое вредно. Особенно детям. Она никогда не покупала мне конфеты...

— А торт? Торт на день рождения?

Я помотала головой.

— Мы не празднуем дни рождения... — тихонько сказала я. — Мама говорит, что праздники — это плохо, потому что там всегда вредная еда и... алкоголь... Поэтому она меня и на дни рождения к одноклассникам никогда не пускала...

Славка молча смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то... жалость?

Вот же дура, зачем я ему рассказала?! Теперь он чёрт знает что про меня подумает!..

— Ну... а как же бабушка? — тихонько спросил вдруг Славка. — Пирожки с повидлом и пирог с яблоком — это разве не сладкое?

Эх... раз уж начала, то лучше всё прямо сейчас и рассказать. Хуже уже не будет...

— Бабушка печёт иногда — пирожки, печенье, — но торты и конфеты не покупает. Если мама узнает, то очень рассердится... Да бабушка и сама нынешние сладости не одобряет. Говорит, что в конфетах теперь одна химия. Даже у шоколада вкус совсем не тот, что раньше был. А вся магазинная выпечка — это вообще полная гадость, её и есть-то невозможно. Как и всякие там пиццы и суши...

— Мда-а-а... Сурово... — вздохнул Славка. — Ну так червячка-то попробуешь? Даже если он химический, то от одного-единственного ты точно не помрёшь! Посмотри, я ж до сих пор не умер! И даже второго съем!

Он достал ещё одного червячка, потряс им у себя под носом и внезапно схватил, смешно щёлкнув зубами.

— Ам! Я страшная рыба акула! И съем сейчас всех червячков! А потом перейду на девочек! Особенно по имени Яся!

Я взвизгнула, захохотала и помчалась к бараку со всех ног.

Глава 12

Я плюхнулась на скамейку под навесом, запыхавшись после бега. Славка схватил меня за рюкзак на спине.

— Поймал! — победно выкрикнул он и тут же выпустил мой рюкзак, а сам уселся на скамейку напротив.

— А червячки ещё остались? — пропыхтела я. — Того с перепугу потеряла.

— Червячков ещё полно! — Славка протянул мне пакет.

Я вытащила одного. Он повис и безвольно болтался, как настоящий червяк на крючке. Запах был довольно сильный и какой-то ненатуральный. Я осторожно надкусила. Мармелад оказался плотным и сладко-кисленьким на вкус. Непривычно.

— Нравится? — Славка с интересом наблюдал за моей реакцией.

Я прислушалась к своим ощущениям. Нравится? Или нет?

— Даже не знаю, — призналась я. — Ну, вроде, ничего так...

— А что ты вообще любишь? Есть у тебя любимая еда?

Я задумалась. С едой всё как-то сложно. То, что мама считает здоровой едой, на вкус... ну так себе, прямо скажем.

— Блинчики люблю... С вишнёвым вареньем. А ты?

— Я пиццу люблю. У моей тёти в кафе классная пицца! Мне больше всего нравится гавайская — с ананасами и ветчиной. Хочешь попробовать?

Я смутилась. Он приглашает меня в кафе? К своей тёте?..

— Тебе же сегодня на тренировку?

— Ну... да. Но она в шесть вечера начинается. И до восьми. А ты не хочешь к нам на айкидо пойти?

— Я?!

— Ну да. А почему нет? У нас есть пара девчонок. Ещё покруче некоторых мальчишек будут!

Я замялась. Славка жил в каком-то совершенно другом мире — и теперь распахнул передо мной дверь в этот мир, а я... А я не знаю...

— Я не знаю... — прошептала я, опустив голову.

— Боишься, что мама не разрешит? Так ведь это же спорт, полезно для здоровья. И это недалеко от школы, кстати. В спортшколе, на Гоголя. Возле парка.

Я кивнула.

— Я знаю. Я часто мимо хожу, когда в парке гуляю. Это рядом с моим домом.

— Отлично! А я могу тебя до дома провожать после тренировки, если тебе страшно одной по улице в темноте ходить.

Ох... Я? На айкидо? Вместе со Славкой? А это вообще возможно?..

— Ну... я подумаю...

Он вздохнул.

— Знаешь, со стороны, наверное, кажется, что я такой весь из себя крутой: отличник и спортсмен, а на самом деле... На самом деле у меня и друзей-то нет...

— Как это? — Я резко вздёрнула голову от удивления и посмотрела на него. Ну ладно в нашем классе он новенький, трудно в уже сложившиеся компании влиться, но разве у него нет друзей во дворе?

— Да вот как-то так получилось... Я раньше дружил с Димкой и Тёмкой. Мы все живём на Кузнечке, в одном классе учились и даже на айкидо вместе ходили. А теперь их обоих перевели в шестнадцатую. У нас класс просто по списку разделили: первую половину — в шестнадцатую, а остальных — к вам. Но к «ашникам». А я в списке последний оказался, в 8А мест уже не было, и я к вам попал. Димка с Тёмкой так и учатся в одном классе. И в новой школе вместе на волейбол пошли. А на айкидо ходить перестали. Ну и... вот...

Из меня вдруг вырвалось нервное хихиканье. Славка нахмурился, но я поспешно объяснила:

— Не обижайся, я просто подумала, что у нас с тобой ковалентная связь получается.

Он вытаращился на меня, а потом расхохотался.

— А ты быстро схватываешь! Ну-ка, ну-ка, расскажи, что за ковалентная связь у нас получается!

— Ну, мы оба хотим дружить, но друзей у нас нет. Вот мы и бегаем, как какой-нибудь атом водорода со своим мячиком-электроном, и ищем, с кем бы поиграть. Вот, нашли друг друга и теперь перекидываемся мячиками друг с другом!

Славка показал мне большой палец вверх.

— Похоже, двойка за контрольную тебе не грозит!.. Ш-ш-ш... — Он резко замолчал и приложил палец к губам. — Не двигайся. Позади тебя котик. Кажется, он начал понемногу привыкать ко мне. Уже не удирает при виде меня, а теперь даже сам подошёл... Кис-кис!

Славка достал из кармашка рюкзака пакетик с порезанной на кусочки сосиской.

— А она не пропала? — озабоченно спросила я. — Всё-таки целый день в рюкзаке...

— Не! — Он помотал головой. — Я её вечером порезал на кусочки и в морозилку положил, а утром замороженную взял с собой. Она только-только оттаять успела.

Он медленно встал и сделал шаг вперёд. Я слегка повернула голову и краем глаза увидела чёрную морду, выглядывавшую из-под кучи деревянных ящиков.

— Кис-кис! — повторил Славка, осторожно приближаясь к коту. — Кушать будешь? Я тебе сосиску принёс. Вкусную!

Кот внимательно следил за движениями человека, но не убежал. Славка подошёл на расстояние вытянутой руки и бросил на землю кусочки сосиски. И так же медленно попятился назад.

Кот вылез из кучи ящиков, обнюхал сосиску и жадно слопал.

— Ему же маловато, наверное. — Я жалостью смотрела на кота. — Смотри, какой тощий...

— Ему нельзя сразу много давать. Я ему в воскресенье сразу две дал, а его через пару минут вырвало. Наверное, слишком голодный был и слишком быстро желудок набил. С нашей собакой Кнопкой такое бывает. Лучше я его потом ещё разок покормлю, зайду перед тренировкой. Всё равно мимо проходить буду... Ой, мне уже пора...

Я посмотрела на часы. Был третий час дня. Мне и самой пора бы домой возвращаться...

Мы переглянулись.

— Ну, тогда по домам? — сказал Славка.

— По домам... — неохотно согласилась я.

Чем ближе я подходила к дому, тем сильнее портилось настроение. Облегчение от написанной контрольной улетучилось, над душой теперь нависла литература. А также грустное осознание, что ещё целых два дня Славка будет занят после школы. Ну, в лучшем случае мы вместе сходим в барак покормить кота...

Эх, а может, не стоило и начинать?..

Чёрт меня занёс тогда в этот барак!

Верно бабушка говорит, что к хорошему быстро привыкаешь. Вот жила себе без Славки и думала, что это нормально, а теперь, оказывается, у меня не жизнь, а какой-то кошмар...

Нет, я, конечно, и раньше понимала, что в нашей семье всё как-то странно, но не сталкивалась с другой реальностью настолько близко.

А теперь, зная, что можно жить по-другому, продолжать жить по-прежнему совершенно невыносимо...

Но что я могу поделать?..

— Ясенька! Ну наконец-то!

Бабушка словно стояла под дверью в прихожей и ждала меня.

— Что случилось, ба?

— Да ничего, просто ты уж больно долго гулять стала.

Я повесила куртку на крючок, без рук стянула с ног кроссовки и раздражённо пнула их под вешалку. Помедлила секунду, наклонилась и аккуратно поставила кроссовки на место.

— Устала я... — честно призналась я, хоть и без подробностей. — У нас сегодня контрольная по химии была. А завтра меня грозились на литературе вызвать.

Бабушка покачала головой.

— Да бог с ними, с уроками! Здоровье важнее. Лишь бы ты не простыла, по улице-то столько бродить! Чай не лето на дворе.

— Всё хорошо, ба. Я пойду отдохну пока, мамы нет.

— А мама сегодня снова задерживается. Конец месяца же, она отчётами занята. Сказала, чтобы мы сами ужинали, её не ждали.

Уф, ну хоть одна хорошая новость за сегодня!

Глава 13

Хочешь не хочешь, а к литре лучше подготовиться. Я собралась с духом и открыла учебник.

У Тришки на локтях кафтан продрался.

Что́ долго думать тут? Он за иглу принялся:

По четверти обрезал рукавов —

И локти заплатил...

Какое смешное слово «заплатил»! Кто ж так говорит? «Заплатил» — это когда деньги заплатил, а тут, получается, он заплатки поставил...

В голове сразу появился образ тощего долговязого парня с руками, торчащими из рукавов чуть не по локоть. А на локтях заплатки. Криво пришитые!

Я засмеялась и поскорее схватила скетчбук: не хватало ещё одну тетрадь своими рисовашками испортить!

Интересно, как выглядел кафтан? Это что-то такое, длинное — как пальто? Нет, пусть будет типа очень длинный пиджак... А ещё у этого Тришки волосы торчат во все стороны... и уши оттопыренные... шея тоже длинная и тощая... колени присогнуты и в стороны торчат... Ой, у него же, наверное, шляпа должна быть... тогда все в шляпах ходили...

Я пририсовала ему на макушке цилиндр.

Полюбовалась на картинку.

А может, мне и правда в художники пойти? Вроде, ничего получается...

Или мне это только кажется? Я ведь никому свои рисунки не показывала. Вот так припрусь в художку, покажу свои художества, а мне скажут: «Девочка, ну куда ты прёшь? Нет у тебя никакого таланта!»

Я вздохнула и сунула скетчбук обратно в рюкзак. Чтобы никто случайно не увидел. Про мои рисовашки даже бабушка не знает. Хотя скетчбуки и прочее рисовальное можно считать её подарками, ведь это она дарит мне деньги на день рождения. Мама всегда «дарит» что-то нужное и полезное: одежду, планшет, ноутбук. А бабушка говорит, что не знает, что сейчас молодёжи нравится, поэтому вот денежка, выбирай сама, на что потратить: на мороженое, на

кино или что ещё захочется. Бабушка хотя бы понимает, что я могу хотеть совсем не то, что нравится ей...

Ну вот, я опять отвлеклась...

Я снова устала на страницу с басней:

Однако же смеётся Тришке всяк,

А Тришка говорит: «Так я же не дурак

И ту беду поправлю:

Длиннее прежнего я рукава наставлю».

О, Тришка мальчонка не простой!

Обрезал фалды он и полы,

Наставил рукава, и весел Тришка мой,

Хоть носит он кафтан такой,

Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,

Запутавши дела, их поправляют,

Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Про кафтан смешно, но мораль-то басни в чём? Или нет, Надежда Викторовна про аллегорию спрашивала. Мораль: не делай, как Тришка. А аллегория?

Хоть я и убрала рисунок с глаз долой, в голове по-прежнему оставался образ тощего долговязого недотёпы. Который хотел зашить дырки на локтях и не придумал ничего лучше, чем обрезать рукава. Не сработало. Тогда надо фалды обрезать. Опять не сработало.

А, собственно, почему? Может, ему с короткими рукавами даже удобнее было? Я вот не люблю длинные рукава, предпочитаю их закатывать. Просто все вокруг над его короткими рукавами смеялись...

И тут меня будто молотком по голове стукнули.

Тришка не кафтан чинил. Он хотел быть, как все. Чтобы над ним не смеялись...

А у него не получалось.

И я тоже как Тришка. Хочу быть, как все, а кафтан меня выдаёт.

А ещё я перекраиваю свой кафтан в угоду другим: ем то, что мне не нравится, зубрю то, что мне не нравится, и вообще веду себя, как хорошая и послушная девочка.

А ведь я даже не кафтан перекраиваю. Это я саму себя перекраиваю. Настолько, что сама не знаю, какая у меня любимая еда.

Вот Славка знает, что любит пиццу. Может, я бы тоже полюбила пиццу — но кто бы дал мне её попробовать?..

А если я стану плохой и непослушной девочкой, то... то что?

Мама будет ругаться.

Ну и?..

Я вдруг впервые в жизни почувствовала внутри какую-то незнакомую часть себя, которой было... наплевать. Наплевать, что скажет мама. И даже бабушка.

Я уже не маленькая и имею право сама решать!..

— Ясенька! Ужин готов!

— Иду, ба!

Заявить, что я уже не маленькая — легко. Но дальше-то что? Что я собралась сама решать?..

На кухне пахло жареной картошкой: бабушка нажарила полную сковородку картошки с луком. На сале. Мама терпеть не могла жирное и жареное: еда должна быть либо варёной (лучше всего на пару, чтобы витамины сохранялись), либо запечённой. Поэтому жареная картошка — это зло! Но мы с бабушкой обе такое любим.

Из духовки бабушка достала куриные ножки, запечённые в слоёном тесте.

— А маме я индейку с овощами в рукаве запекла, — подмигнула мне бабушка.

Я ухмыльнулась и вонзила зубы в хрустящее тесто, под которым была мягкая и сочная куриная ножка.

— Ба, а почему нам нельзя есть то, что нам нравится, открыто? — вдруг спросила я и тут же подумала, что, возможно, стоило бы прикусить язычок.

— Ну, ты же знаешь свою маму. Она нам обеим целую лекцию прочитает о полезной и вредной пище. Она о твоём здоровье заботится.

— Но я ведь уже не маленькая! Мне скоро паспорт получать. Почему я сама не могу о своём здоровье позаботиться?

Бабушка вздохнула.

— Как же не маленькая... Маленькая. Жизни ещё не видела. Иначе бы понимала, что мать есть мать. Она не может о своём ребёнке не заботиться. Даже если он уже совсем не маленький...

— Ну ба, а если мне не нравится куриная грудка и брокколи? Если я люблю жареную картошку с салом? Почему я всё равно должна слушаться маму?

— Ох, Ясенька... Мама твоя, конечно, человек сложный, но...

— Но что?

Бабушка опустила взгляд.

— Ты и правда ещё слишком маленькая. Взрослая жизнь... это совсем не то, что ты думаешь. Там свои проблемы. Всякое в жизни бывает. И каждый справляется, как может... Ты маму-то не вини, ей тоже несладко...

Я перестала жевать. Как-то странно это всё звучит...

— Ба? Есть что-то, чего я не знаю?

Бабушка вдруг встала, отошла к раковине и, повернувшись ко мне спиной, деловито загремела грязной посудой.

— Ты кушай, Ясенька, кушай. Не бери в голову. У взрослых свои, взрослые, дела. Подрастёшь, сама всё поймёшь...

Аппетит у меня пропал. Я поковыряла картошку, через силу доела, чтобы не обижать бабушку. Бабушка продолжала хлопотать по кухне, избегая смотреть на меня.

— Ба, спасибо, я пойду уроки доделаю.

— Иди, Ясенька, иди, я тут сама приберусь.

Я вернулась к себе в комнату в полном недоумении. Бабушка явно что-то от меня скрывает. Но почему?

Глава 14

Среда началась с недовольного голоса мамы, которая пришла меня будить — и, похоже, день не задался с самого утра.

Я проспала, потому что поздно уснула. После разговора с бабушкой за ужином я всё крутила в голове её слова, пытаюсь понять, что там за «взрослые дела». И что за проблемы у мамы, если «ей тоже несладко»? Опять работа и ипотека, что ли? Но тогда почему мне об этом знать нельзя? Что там такого непонятного?

Мысли бегали по кругу и отвлекали меня от уроков. Я даже забыла, что Надежда Викторовна обещала меня вызвать.

— Рыбакова! Надеюсь, ты сегодня подготовилась? — Надежда Викторовна отметила присутствующих и подняла взгляд на меня. — Давай, расскажи нам про басню Крылова «Тришкин кафтан».

Я встала. Мысли про бабушку и тайну из головы вылетели, и в голове зазвенела пустота. Я отчаянно старалась вспомнить прочитанное вчера в учебнике. Вспоминался только рисунок Тришки.

— Басня «Тришкин кафтан» рассказывает про Тришку...

Класс выжидательно замер, глядя на меня и предвкушая развлечение. А у меня перед глазами стояла тощая неуклюжая фигура в цилиндре. Он ведь просто хотел, чтобы над ним не смеялись...

— Тришка хотел починить кафтан, но денег у него не было, и он начал отрезать куски в одном месте, чтобы пришить в другом... А все над ним смеялись. Какой у него кафтан неправильный.

Надежда Викторовна вопросительно приподняла бровь.

— Ну так и в чём же здесь аллегория?

— В том, что он пытался выглядеть хорошо в глазах других, но на самом деле становилось только хуже. Чем больше он пытался, тем больше над ним смеялись.

— Гм... неожиданно, Рыбакова, очень неожиданно... И как же, по-твоему, следует понимать концовку басни? Что Крылов хотел сказать читателю?

— Крылов хотел сказать, что некоторые люди слишком прислушиваются к мнению других и поступают не так, как сами бы хотели.

— Интересная мысль... — Надежда Викторовна обвела взглядом притихший класс. — У кого-то есть другое мнение на этот счёт? Соболева? А ты как думаешь?

Отличница Ирка Соболева неторопливо поднялась. Отбросила за спину длинную толстую косу.

— В басне «Тришкин кафтан» Иван Андреевич Крылов показывает, что неразумные, поспешные решения создают ещё больше проблем и высмеивает людей, которые исправляют одно, а в результате портят другое.

Надежда Викторовна кивнула. Ирка села.

— Кто ещё хочет высказаться?

Славка вдруг поднял руку.

— Степашин? А ты что думаешь?

— А я согласен с Рыбаковой. — Он коротко глянул на меня. — Ведь Тришка почему взялся кафтан перешивать? Потому что стыдился дырок на локтях. Переживал, что о нём люди подумают. Боялся, что голодранцем посчитают.

— Вот как... — Надежда Викторовна внимательно посмотрела на Славку, потом на меня. — Ну что ж... Рыбакова, ты сегодня приятно удивила меня тем, что высказала своё мнение. Не совпадающее с общепринятым, но зато явно собственное. Литература всё же не математика, разные люди вольны понимать мысль автора по-своему. Я вижу, что учебник ты читала и даже над ним подумала. Надеюсь, ты продолжишь в том же духе. Садитесь.

Мы со Славкой переглянулись и сели.

Сердце бухало в груди, как будто я не на литре ответила, а на физре стометровку пробежала. И даже пришла к финишу первой. Ведь впервые весь класс меня... заметил. Не просто скользнули взглядом или похихикали над моим очередным провалом у доски, а задержали на мне взгляд.

Это было... непривычно. Неловко. И почему-то... приятно...

Ленка покосилась на меня.

— Ну ты даёшь! — прошептала она.

Остаток дня я, как обычно, старалась не высовываться. В голове был полный кавардак. Басня Крылова, неожиданная поддержка Славки, всеобщее внимание, вчерашний разговор с бабушкой, взрослые тайны и... образ Тришки. Нелепый, вечно пытающийся угодить другим. Хочет как лучше, а становится посмешищем.

А если перестать подстраиваться под чужое мнение? Если высказать своё?

Оказывается, иногда за это даже хвалят...

А ещё внутри меня появился какой-то зуд. Хотелось сделать что-то. Что-то... этакое... Заорать? Захототать? Попрыгать? Я сама не понимала, чего хочу, но этот зуд не давал мне покоя.

После уроков я решила подождать Славку недалеко от школы и уселась на лавочку на аллейке, по которой он обычно ходил домой. Мне хотелось узнать, почему он поддержал меня на уроке. Мог ведь и просто промолчать.

Славка заметил меня издалека и улыбнулся. Подошёл и сел рядом.

— Ты сегодня прям звезда! Думаю, Надежда Викторовна сильно удивилась. Да и все остальные тоже.

Я покраснела.

— А ты? Ты тоже удивился?

Он слегка наклонил голову вбок и внимательно посмотрел на меня.

— Ну... не очень. Я уже понял, что на самом деле ты не такая, какой кажешься на первый взгляд.

— А какой я кажусь на первый взгляд?

Он даже не задумался с ответом:

— Знаешь, когда я впервые вошёл в ваш класс, там была обычная суматоха, все орали, смеялись, бегали, а ты... ты молча сидела за партой и смотрела в окно. Как будто вся эта суматоха вокруг тебя не касается. Ты такая... ну... как дерево, что ли. Вот тут по аллейке люди бегают, суетятся, а деревья просто молча стоят. И смотрят на всё это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.